

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Т51

Компьютерный дизайн Е.А. Коляды

Подписано в печать 21.08.14. Формат 70х90 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 14,5. Доп. тираж экз. Заказ № .

Токарева, Виктория

Т51 Гладкое личико : [повести и рассказы] / Виктория Токарева. — Москва: АСТ, 2014. — 398, [2] с.

ISBN 978-5-17-065956-2

Молодой, эффектный, состоятельный мужчина...
Красивая, стройная возлюбленная... Однако время уже поставило свои метки...

Но есть спасение — мечта всех женщин бальзаковского возраста! — пластическая операция.

Счастье?

Наверное...

Но далеко ли от счастья до беды?

Столько же, сколько от беды — до счастья...

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.С. Токарева, 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Виктория Токарева

Она, как будто одна маленькая девочка, которую долго мучили окружающие, поэтому она очень хорошо знает, что такое — терпеть.

Ее произведения содержат в себе такую атмосферу.

Конечно, ее острота интуиции — это ее натура.

Но мне кажется, ее мягкосердечие — поддерживать все, что есть, — дала ей эпоха, которую она пережила. Она не отвергает ничего. (Вместе с тем она не отвергает ни одного читателя.)

Основой ее произведений является «вместимость», на вершине ее вспыхивает острота интуиции.

В ее произведениях есть материнское мягкосердечие и материнский оптимизм. (Мать знает о том, что время продолжает рождать что-то плохое или хорошее. Значит, она знает о том, что история продолжает изменяться.)

Токарева, так же как и остальные русские писатели, рассматривает «существование». Ее способ не сложен. Потому что ее произведения играют не способом, а остротой интуиции.

Она не торопится и говорит шепотом читателям, как говорит шепотом себе. Поэтому, когда мы читаем ее произведения, мы повторяем шаги героя. События, которые происходят вокруг героя, мы переживаем как собственный опыт, как будто наши глаза поставлены в его лицо.

Всякий может легко войти в ее мир. Ее произведения — литературная математика. Она говорит разумные вещи разумно.

Когда мы читаем ее произведения, то понимаем, что мы не замечаем разумных вещей.

Она не обманывает ни свое чувство, ни читателей. Виктория Токарева — прямодушный писатель.

Ее произведения дают утешение читателям из-за того, что высота ее глаз — та же, что и высота глаз читателей.

Макико Ояма. Япония

ПОВЕСТИ

Я есть. Ты есть. Он есть

Анна ждала домой взрослого сына.

Шел уже третий час ночи. Анна перебирала в голове все возможные варианты. Первое: сын в общезнании с искусственной блондинкой, носительницей СПИДа. Вирус уже ввинчивается в капилляр. Еще секунда — и СПИД в кровеносной системе. Плышет себе, отдыхает. Теперь ее сын умрет от иммунодефицита. Сначала похудеет, станет прозрачным и растает как свеча. И она будет его хоронить и скрывать причину смерти. О Господи! Лучше бы он тогда женился. Зачем, зачем отговорила его два года назад? Но как не отговорить: девица из Мариуполя, на шесть лет старше. И это еще не все. Имеет ребенка, но она его не имеет. Сдала государству до трех лет. Сдала на чужие руки — а сама на поиски мужа в Москву. А этот дурак разбежался, запутался в собственном благородстве, как в соплях. Собрался в загс. Анна спрятала паспорт. Чего только не выслушала. Чего сама не наго-

ворила. В церковь ходила. Богу молилась на коленях. Но отбила. Победа. Теперь вот сиди и жди.

Нервы расходились. Надо взять себя в руки. Надо поговорить с собой.

«Перестань, — сказала себе Анна. — Что за фантазии? Почему в общезнании? Почему СПИД? Может, он не у женщины, а с друзьями. Пьют у кого-нибудь на кухне. Потом разойдутся».

А вдруг пьяная драка? Он ударит, его ударят, и он валяется, истекает кровью. А может, его выбросили в окно и он лежит с отсутствующим лицом и отбитыми внутренностями. Господи... Если бы он был жив, позвонил бы. Он всегда звонит. Значит — не жив. Не жив — это мертв.

Анна подошла к телефону, набрала 09. Спросила бюро несчастных случаев. Ей продиктовали.

— Але... — отозвался сонный голос в бюро.

— Простите, к вам не поступал молодой мужчина? — спросила Анна.

— Сколько лет?

— Двадцать семь.

— Во что одет?

Анна стала вспоминать.

— Валь, — сказал недовольный голос в трубке, — ну что ты заварила? Я, по-твоему, это пошло пить должна?

«У людей несчастье, а они про чай», — подумала Анна. И в этот момент раздался звонок в дверь.

Анна бросила трубку. Метнулась к двери. Открыла.

Сбылось и первое, и второе. И женщина, и пьяный. Правда, живой. Улыбается. Рядом — блондинка.

Красивая. Анне было не до нее, глянула краем глаза, но даже краем заметила — красавица. Можно запустить на конкурс красоты.

— Мамочка, знакомься, это Ирочка. — Олег еле собирал для слов пьяные губы.

— Очень приятно, — сказала Анна.

При Ирочке неудобно было дать сыну затрещину, но очень хотелось. Прямо рука чесалась.

— А можно Ирочка у нас переночует? А то ей в общежитие не попасть. У них двери запирают.

«Так. Общежитие, — отметила Анна. — Еще одна лимитчица».

— А из какого вы города? — спросила Анна.

— Из Ставрополя, — ответил за нее Олег.

Та из Мариуполя, эта из Ставрополя. Греческие поселения.

Анна посторонилась, пропуская молодую пару. От обоих пахло спиртным.

Они просочились в комнату Олега. Оттуда раздался выстрел. Это рухнул диванный матрас, Анна знала этот звук. Потом раздался хохот, как в русалочьем пруду. Шабаш какой-то.

Тяжело иметь взрослого сына. Маленький — боялась, что выпадет из окна, поменялась на первый этаж. Теперь в случае чего — не разменять. В армию пошел — боялась, что дедовщина покалечит. Теперь вырос — и все равно.

Анна не могла заснуть. Вертелась. Зачем-то считала количество букв в городах: Мариуполь — девять букв, Ставрополь — десять. Ну и что? Было бы двое

детей — не так бы сходила с ума. Но второго ребенка не хотела: с мужем жили ровно, все завидовали: «Какая семья». И только он... И только она знала, как все это хрупко. Анна хотела новой любви. Не искала, но ждала. Второй ребенок лишил бы маневренности.

Анна ходила и смотрела куда-то вдаль, поверх головы своего мужа, как будто высматривала настоящее счастье.

Все кончилось в одночасье. Муж умер в проходной своего научно-исследовательского института. Ушел на работу, а через час позвонили. Нету человека.

Анна сопровождала его в морг. Ехали на «скорой». Муж лежал, будто спал. Наверное, он не заметил, что умер. Анна не отрываясь вглядывалась в лицо, пытаясь прочесть его последние ощущения. Смотрела на живот, на то место, которое всегда было таким живым. И если там умерло, значит, его действительно нет.

Однажды приснился сон: муж сидит перед ней, улыбается.

— Ты же умер, — удивилась Анна.

— Я влюбился, в этом дело, — объяснил муж. — Встретил женщину. Не мог оторваться. Но мне было жаль тебя. Я притворился, что умер. А вообще я живой.

Анна проснулась тогда и плакала. Она, конечно, знала, что мужа нет. Но сон показался правдой. Муж, наверное, кого-то любил, но не посмел переступить через семью. Рвался и умер. Лучше бы ушел.

После смерти мужа Анна осталась одна. Сорок два года. Выглядела на тридцать пять. Многие претенденты распускали слюни, как вожжи. Однако семьи не

получалось. У каждого дома была своя семья. Норовили записаться в сынки, чтобы их накормили, напоили, спать уложили и за них бы все и проделали.

Была, конечно, и любовь, что там говорить... Чуждой был человек, похожий на чеховского Вершинина: чистый, несчастный и жена сумасшедшая. И нищий, конечно. Это до перестройки. А в последнее время вступил в кооператив, стал зарабатывать две тысячи в месяц. Нули замаячили. Не человек — гончая собака. И уже ни томления, ни страдания — завален делами выше головы. Некогда? Сиди работай. Устал? Иди домой. Он обижался, как будто ему говорили что-то обидное. Он хотел еще и любви в придачу к нулям.

В один прекрасный день Анна поняла: у нее все было. В прошедшем времени. Плюскамперфект. И то, что казалось временным, и было настоящим: муж, дом, общий ребенок. Семья. Но мужа нет. И дальше — тишина. Самый честный союз — это союз с одиночеством.

Женщина не может без душевного пристанища. Пристанище — сын. Умница. Красавец. Перетекла в сына.

А сын за стеной перетекает в Ирочку. Из Ставрополя. Десять букв. Мариуполь — девять. А что еще остается? Только буквы считать.

Ирочка проснулась в час дня.

За это время Олег встал, сделал завтрак, позавтракал, ушел на работу и сделал плановую операцию.

Анна за это время ходила в магазин, приготовила обед — курицу с овощами — и села за работу.

В учебной программе шли большие перемены. Историю СССР практически переписывали заново. Дети не сдавали экзамен.

У Анны — французский язык. В этом отсеке все как было: je suis, tu est, il est. Я есть. Ты есть. Он есть.

Возникали учителя-новаторы: ускоренный метод, изучение во сне. Анна относилась к этому скептически, как к диете. Быстро худеешь, быстро набираешь. Ускоренно обретенные знания так же скоро улетучиваются. Лучше всего по старинке: обрел знание — закрепил. Еще обрел — еще закрепил.

Анна сидела за столом. Работа шла плохо, потому что в доме находился посторонний человек.

Наконец задвигалось, зашлепало босыми ногами, зажурчало душем.

«Надо накормить, — подумала Анна. — Молодые, они прожорливые». Вышла на кухню, поставила кофе.

Из ванной явилась Ирочка в пижаме Олега. Утром она была такая же красивая, как вечером. Даже красивее. Безмятежный чистый лоб, прямые волосы Офелии, промытые молодостью синие глаза. Интересно, если бы Офелия переночевала у Гамлета и утром явилась его мамаше, королеве...

Анна не помнила точно, почему Офелия утопилась. Эта не утонится. Всех вокруг перетопит, а сама сядет пить кофе с сигаретой.

— Доброе утро, — поздоровалась Ирочка.

— Добрый день, — уточнила Анна.

Ирочка села к столу и стала есть молча, не глядя на Анну. Как в купе поезда.

— А вы учитесь или работаете? — осторожно спросила Анна.

— Я учусь в университете, на биофаке.

«Значит, общежитие университетское», — поняла Анна.

— На каком курсе?

— На первом.

«Значит, лет восемнадцать-девятнадцать», — посчитала Анна. Олегу двадцать семь.

— А родители у вас есть?

— В принципе есть.

— В принципе — это как? — не поняла Анна.

— Люди ведь не размножаются отводками и черенками. Значит, у каждого человека есть два родителя.

— Они в разводе? — догадалась Анна.

Ирочка не ответила. Закурила, стряхивая пепел в блюдо.

«Курит, — подумала Анна. — А может, и пьет».

— А вы не опоздаете в университет? — деликатно спросила Анна.

— У нас каникулы.

Анна вспомнила, что студенческие каникулы в конце января — начале февраля. Да, действительно каникулы. Не собирается ли Ирочка провести у них две недели?

— А почему вы не поехали в Ставрополь? — осторожно поинтересовалась Анна. — Разве вы не соскучились по дому?

— Олег не может. У него работа.

— А у вас с Олегом что? — Анна замерла с ложкой.

— У нас с Олегом все.

Зазвонил телефон. Аппарат стоял на столе. Анна хотела привычным движением снять трубку, но Ирочка оказалась проворнее. Ее тонкая рука змеиным броском метнулась в воздухе. И с добычей-трубкой обратно к уху.

— Да... — проговорила Ирочка низко и длинно.

В этом «да» были все впечатления прошедшей ночи и предвкушения будущей.

После «да» было «я» — такое же длинное, как выдох.

Это звонил Олег. Ирочка произносила только два слова — «да» и «я». Но это были такие «да» и «я», что Анне стыдно было при этом присутствовать. Наконец Ирочка замолчала и посмотрела на Анну умоляюще-выталкивающим взглядом.

Анна вышла из кухни. Подумала при этом: «Интересно, кто у кого в гостях...»

Каждая семья имеет свои традиции, ибо человек без традиций голый. Равно как и общество. Общество, порвавшее с традициями, обрубает якорную цепь, и его корабль болтается по воле волн или еще по чьей-то воле.

В традиции Олега и Анны входило звонить друг другу на работу, отмечаться во времени и пространстве: «Ты есть, я есть. И ничего не страшно: ни социальные катаклизмы, ни личные враги. Ты есть, я есть. Мы есть».

В традиции входило открывать друг другу дверь, встречать у порога, как преданная собака. Выражать

радость, махать хвостом. Потом вести на кухню и ставить под нос миску с божественными запахами.

И сегодня Олег позвонил в обычное время. Анна заторопилась, но на пути возникла Ирочка.

— Он попросил, чтобы я открыла.

Анна растерялась, сделала шаг назад. Привилегии отбираются, как во время перестройки. В семье шла перестройка.

Ирочка тем временем распахнула дверь и повисла на Олеге в прямом смысле слова. Уцепилась руками за шею и подогнула ноги. Обычно Олег целовал мать в щеку, но сегодня между ними висело пятьдесят килограмм Ирочки.

Олега, похоже, не огорчало препятствие. Он обхватил Ирочку за спину, чтобы удобнее виселось, они загородили всю прихожую и из прихожей вывалились в комнату Олега и пропали.

Курьца стыла. Устои дома рушились. Еще час такой жизни — и упадет потолок, подставив всем ветрам жилище.

Вечером Анна подстерегла момент и тихо спросила:

— А Ирочка, что, не собирается в общежитие?

— Видишь ли... — Олег замялся. Потом вскинул голову, как партизан перед расстрелом. — Мы поженились, мама.

— В каком смысле? — не поверила Анна.

— Ну в каком смысле женятся?

— И расписались?

— Естественно.

— И свадьба была?